

МАКСИМ БЕССОНОВ

Родился в 1988 году в посёлке Красногвардейское (ныне – г. Бирюч) Белгородской области. Живёт в Белгороде. Окончил филологический факультет БелГУ. Работает директором ГБУК «Белгородская государственная детская библиотека имени А.А. Лиханова». Член Союза писателей России. Автор сборников стихов «Душа в разрезе» (Белгород, 2009), «Ргозрение» (Белгород, 2013), «Часовой» (Москва, 2020). Создатель и соруководитель литературной студии «Пробел». Стихотворения публиковались в журналах «Алтай», «Кольцо А», «Юность» и др. Лауреат Международной «Славянской поэтической премии» (2014). Обладатель специального диплома в номинации «Поэзия» Международной молодёжной премии «Восхождение» (2021). В литературно-краеведческом альманахе «Таряне» публикуется впервые.

Не обессудь. Сознайся и смирись.
Короткий воздух. Тишина кривая.

Тяжёлый снег, как непромытый рис,
лежит под серым лесом и не тает.
Ты что-то знаешь, небо над рекой.
Разводишь молча пленными руками.
И музыки не надо никакой –
и так ни на минуту не смолкает.

Про жизнь и муку что-то я просёк.
Намного чётче слух и зорче зренье.
Течёт по венам первобытный сок.
И пахнет кровью двор до одуренья.

Нелегко с ландшафтом этим слиться.
Человек-тревога, пустозвон.
Перепутал с вертолётom птицу
И запечатлел на телефон.

Серый день. Оградки позолота.
Здесь ушедших больше, чем живых.
Перепутал птицу с вертолётom.
И опять подумал о своих.

Перепутал, не узнал, не вспомнил.
Шёл домой, а вышел на погост.
Поле невозможное и пожни.
Больше ничего. И небо в рост.

Посмотри: как ни в чём не бывало.
Будто снится (читай: понарошку)
в изобилии мясо и сало.
Хоть надежда одна – на картошку.

Но сейчас не об этом, братишка:
сомневаюсь. И в этом проблема.
Слишком быстро и точно слишком
мир скопирован в буфер обмена.

И, ничтоже сумняшеся, вспомню
я про золото, ладан и смирну.
И пойду, как по минному полю,
по такому недолгому миру.

Посижу в темноте, что равно тишине,
112 сказали: включат.
Голубиная давка в открытом окне,
ожидание звука ключа;

невозможность принять очевидное, но
ты и раньше не верила мне,
а вчера и сейчас мы с тобой заодно,
мы и завтра – на этой войне.

Но не надо звездеть, что вот это – война,
две недели молчит ПВО.
И такая тупая вокруг тишина,
что не слышно себя самого.

Но ни к чему здесь, в бреду сермяжном,
не понимая, где верх, где низ,
пенять на то, что и я однажды
вдруг всем нутром осознаю жизнь,

как только между тобой и ложью
вдруг брызнет небо и бросит в дрожь,
я попытаюсь и подытожу.
Но что итоги? – Цена им грош.

На том и баста. Берите выше.
Я был и не был. Я там и здесь.
И не ушёл я – за хлебом вышел.
И слава Богу, не вышел весь.

История войны на обороте
невзрачной пачки чая «Краснодарский».
Реклама тоже в некотором роде –
история. Райончик пролетарский
посёлка полугородского типа,
где тыкают в лицо, но чаще – в спину.
Сейчас сирень цветёт. В июне – липа.
Всё органично. Тихо. Чин по чину.

Но кажется: весь мир – дыра сквозная,
когда ветра гуляют по площадке
и дети в шапках в середине мая
(им вообще, мне кажется, несладко

в посёлке полугородского типа).
Пойдём в «Магнит», на чай и кофе – скидки.
История страны – сирень и липа.
Парадоксального у нас всегда в избытке.

Заварим чай, на пачке прочитаем
о том, чего нигде мы не узнаем.

Вокруг меня чугунная ограда.
Со мной всё чаще говорят на «вы».
Несут цветы, которых мне не надо, –
они растут у ног и головы.

Деревья надо мною крючковаты.
Внутри ограды мир предельно прост.
Плывут по небу клочья белой ваты,
предвосхищая мой карьерный рост.

Смиренны молчаливые соседи.
Да я и сам спокоен, как удав.
И на ограде аз и буки-веди
Сидят, ещё из виду не пропав.

Я помню всё, что было не со мною,
и говорю на странном языке,
порыву ветра гулким эхом вторю,
как тихой песне где-то вдалеке.

Дым плывёт и тянет жилы из
города и вьёт из них верёвки.
Исполняй, судьба, – любой каприз –
пусть и без таланта и сноровки,

сдюжим по-любому, вот те крест,
здесь отмена – не отмена – вызов,
потому что нет в России мест,
где Господь не смотрит в тепловизор.

Диктатура жадного зрачка.
Дым плывёт из отсыревшей рощи.
Если смерть приходит с кондачка,
значит ли, что жизнь намного проще?

С чего ты взял? Ведь ты с чего-то взял,
что никогда не скатишься в такое?
Как будто что-то глупое сказал
и тут же расписался в протоколе.

Слепой и неоправданный протест
вдруг вспомнишь, и проступит в полудымке
на куполе церквушки мирный крест,
и небо с птицей пролетят в обнимку.

При чём тут я? Вот родина и дом.
Но кто, зачем мне в голову втемяшил
уверенность безропотную в том,
что мир хорош и побеждают наши?

Не стены греют.

И не наличник.

Топите печь.

Антон Школьников

В автобусе бездонном, как небо над башкой, –
раскосые девчонки и медленная речь –
впервые в город еду, не назову, в какой.
Чалдон, по взглядам судя.

Закрывать глаза и лечь,
постель не расстилая, не позвонив домой,
лежать, не понимая, ты въяве или спишь?
Берёзы и сугробы – бегущею строкой
стоят перед глазами в гостинице «Иртыш».

Потом разговоришься, потом сойдёшь с ума
от воздуха такого, от искренности слов
и кожей почувешь: сибирская зима
никак не отпускает – не наломать бы дров.

Не сравнивай – другое, но общее – сейчас –
ты за столом на равных, какой ты им чалдон?
И снежные берёзы – такие, как у нас.
Ну разве что стройнее и чаще греют дом.

Мать придёт, заварит мятный чай
или, как там, пряную Melissa.
Хочешь счастья – на вот, получиай.
Дождь слепит, но хлещет по карнизу.

Как судьба с тобою поведёт,
мальчик мой, хороший и несмелый?
Если смерть за дверью – подождёт.
Всё пройдёт.
Не без любви и веры.
Постою, калитку притворю.
Как такое получилось въяве?
Жизнь идёт. За всё благодарю.
В остальном мы виноваты сами.

Ладонью подбородок подперев,
на суету обычную взираю.
Что делать дальше, я пока не знаю,
но остро чую пятой точкой блеф:
и стадион, и куст, и гаражи,
сосед, который молится стакану, –
преобразятся, миг ещё – и канут
в забытый сон.
Мгновенье, поспеши.
С пейзажем за окном мне повезло.
Упала цифра за тепло в платёжке.
Не дай мне, Боже, утопиться в ложке.
Россия. Март. Какое-то число.